

VII.

Лирика чувства и ея личные мотивы.

На увлеченіи Жуковскаго Марьей Андреевной Протасовой надо было остановиться: она была для него „позіей жизни“, подъ ея вліяніемъ онъ сталъ поэтомъ личнаго чувства, благоговѣйнаго, элегическаго, не страстнаго. Это-то чувство и наполняетъ лирику его первой поры: что въ ней лучшаго—это *Gelegenheitsdichtung*; небольшія стихотворенія, выражающія если не великія скорби (Гейне), то искреннюю скорбь. Оттуда и мрачный репертуаръ, и своеобразныя филозофіи любви и счастья.

На землѣ нѣтъ счастья, есть только тѣнь его, утраченное счастье, счастье самоотреченія; настоящее счастье въ воспоминаніи о блаженныхъ минутахъ, пережитыхъ чувствомъ и постоянно его питающихъ; полнота счастья за гробомъ: „возлюбленный образъ“ летитъ за душею въ вѣчность,

Ей спутникъ до сладкой минуты свиданья.

(Къ Нинѣ 1808 г.);

Свиданье тамъ,

Гдѣ жизнь безъ разлуки,

Гдѣ все не на часъ.

(Эолова арфа 1814 г.).

Воспоминанье и ожиданье чего-то за таинственнымъ предѣломъ — вотъ двѣ основныя ноты любовной поэзіи Жуковскаго;

ему 23 года, а онъ уже „къ протекшимъ временамъ“ летить „воспоминаньемъ“ (Вечеръ 1806 г.).

Воспоминанье его любимый Leitmotiv; такъ въ „Трехъ сестрахъ“, въ „Видѣннн Минваны“ (1808), въ посланіи къ Батюшкову (1812 г.):

Какъ будто съ вышины
Спускается пріятный
Минувшаго привѣтъ,
И то, что невозвратно,
Чего навѣки нѣтъ,
Опять животворится,
И тихо вѣютъ, мнится,
Надъ нашей головой
Воздушною толпой
Жильцы духовной сѣни
Невозвратимыхъ тѣни!

Воспоминаніе—„это милое товарищество, котораго и смерть не разрываетъ, по которому мы одни исполняемъ то, что прежде исполняли вдвоемъ“ (письмо къ Кирѣевской 1813 г. іюль). „Для сердца прошедшее вѣчно“, говоритъ Теонъ (1814 г.); счастье—въ удовольствіи съ воспоминаніемъ, твердитъ онъ Машѣ и Воейковой (1814—1815 г.); „святое прежде“ царитъ въ стихотвореніяхъ болевого 1816 г.; „общее, неясное воспоминаніе, безъ вида и голоса, какъ будто воздухъ прежняго времени“ (дневникъ 1818 г. 28 октября); имъ полонъ „Цвѣтъ завѣта“, наставленіе гр. Самойловой (1819 г.). Поэтъ всегда готовъ „съ милымъ прошлымъ за одно въ воспоминаньи повидаться, потому что „милое минувшихъ дней.... милѣйшимъ будетъ за всегда сокровищемъ воспоминанья“. (Къ кн. А. Ю. Оболенской 1820 года).

Нужды нѣтъ, что порой онъ старается уйти отъ него, твердитъ себѣ и другимъ о прелести настоящаго: „Будь настоящее твой утѣшительный геній“ (Къ самому себѣ 1814 г.), развивая ту-же идею въ дневникахъ и альбомахъ Маши, Воейковой, гр. Самойловой (1819 г.), въ обращеніи къ Эверсу 1815 г. („Прекрасному текущее мгновеніе) и въ отвѣтѣ кн. Вяземскому на его стихотвореніе „Воспоминаніе“:

На что-же, другъ, хотѣтъ призвать воспоминанье?
Мечты не дозовемся мы:

Безъ утоленія пробудимъ лишь желанье,
На небо — взглянемъ изъ тюрьмы!

(1819 г.).

Этотъ призывъ къ настоящему часто уживается на одной и той-же страницѣ съ „удовольствіемъ воспоминанія“. Въ сущности одно оно прочно, настоящее—утопія, „прибѣжище, я уцѣпился за него, какъ утопающій за доску“, читаемъ мы въ дневникѣ 1814 года ¹⁾.

16-го/28 февраля 1821 г. помѣченъ въ дневникѣ первоначальный текстъ четверостишія „Воспоминаніе“ съ толкованіемъ, какъ будто предназначавшимся для великой княгини Александры Ѳедоровны ²⁾; тотъ-же культъ воспоминанія въ припискѣ къ Лалла-Рукъ и въ Отрывкѣ письма изъ Саксоніи (1821 г.).

Въ 1824 г. написанъ „Мотылекъ“: онъ льнетъ только къ двумъ цвѣткамъ, не пышнымъ и непригляднымъ: цвѣтку воспоминанья и цвѣтку сердечной думы.

О, милое воспоминаніе
О томъ, чего ужъ въ жизни нѣтъ!
О, дума сердца—упованіе
На лучшій, неизмѣнный свѣтъ!
Блаженъ, кто васъ среди губящаго
Волненья жизни сохранилъ
И съ вами низость настоящаго
И пренебрегъ и позабылъ.

Въ дневникѣ 23 ноября/5 декабря 1832 года записано: „Письмо великаго князя. Минуты, въ которыя какою-то магическою силою пробуждаются воспоминанія и всѣ знакомыя лица весьма ясно видимы. Слышишь голоса, чувствуешь то, что

1) Сл. выше стр. 170.

2) Четверостишіе это отнесено 9-мъ изданіемъ г. Ефремова къ 13 іюля 1821 года; съ толкованіемъ, повторяющимъ, съ нѣкоторыми отмѣнами, текстъ дневника, и присоединеніемъ въ концѣ стихотворенія Жанъ Поль Рихтера на кончину королевы Луизы, оно печаталось съ датой 1848 года („Воспоминаніе“): стихотвореніе (На кончину...), безъ подписи переводчика, явилось въ Московскомъ Телеграфѣ 1827 года, ч. XV, № 11.

чувствовалъ, *воздухъ старины* ¹⁾, *домъ, чувство прошедшей жизни*“. Но это чувство не вѣчно, слабѣетъ со временемъ и горе по милымъ усопшимъ, унося счастье воспоминаній, и Жуковскій вторить жалобѣ Ламоттъ-Фукэ:

Есть, правда, много избранныхъ
 Душъ на свѣтѣ, въ которыхъ святая печаль, какъ свѣча
предъ иконою,
 Ярко горитъ, пока догоритъ; но она и для нихъ ужъ
 Все не та подъ конецъ, какою была при началѣ,
 Полная, чистая; много, много иного, чужого,
 Между утратою нашей и нами уже протѣснилось;

 Наше горе земное не надолго.
(Ундина, гл. XVI, 1836 г.).

Въ передѣлкѣ Гальмова Камюэнса нерѣдко красивые образы устранены на счетъ воспоминанья, святой памяти, вѣрности прекрасному минувшему. У Halm'a Кеведо рассказываемъ Камюэнсу, что и онъ былъ несчастенъ: умерла жена, онъ обливался слезами, но нашелъ утѣшеніе — въ наслѣдствѣ. И я утѣшился (*Auch ich fand Trost*), отвѣчаетъ Камюэнсъ; слѣдуетъ извѣстное въ передѣлкѣ Жуковскаго сцена откровенія поэзіи, посѣтившее поэта въ больницѣ. Вотъ что подсказалось ему вмѣсто короткой фразы: и я утѣшился:

Все переживешь
 На свѣтѣ... Но забыть!... Блаженъ, кто носить
 Въ своей душѣ *святую память, вѣрность*
Прекрасному минувшему! Моя
 Душа ее во глубинѣ своей,
 Какъ чистую лампаду, засвѣтила,
 И въ ней поэзіей горѣла.
 И мнѣ поэзія была отрадой ²⁾.

Въ 1840-мъ году Жуковскій давалъ первый урокъ прин-

1) Въ текстѣ: сторона. Сл. дневникъ 28 октября 1818 года: „воздухъ прежняго времени“.

2) Сл. *Wir liebten. Uns're Liebe war ein Klang.* = Пора любви! Твое *воспоминанье*.

цессъ Маріи—и перенесся мыслью къ первому своему появленію во дворцѣ, 23 года тому назадъ, въ качествѣ учителя русскаго языка вел. кн. Александры Ѳеодоровны. Вечеромъ давали оперу Спонтини Нурмагалъ; дотолѣ онъ не зналъ ее, но лишь только услышалъ, Дармпштадтъ исчезъ изъ его глазъ, его заслонили тѣни прошлаго,

Und manche liebe Schatten standen auf.

„Странное, непонятное очарованіе въ звукахъ: они не имѣютъ ничего существеннаго, но въ нихъ живетъ и воскресаеетъ прошедшее. Я не думалъ никого произвольно вспоминать, но вслѣдъ за этою картиною праздника именно тѣ, которые тогда были и которыхъ теперь нѣтъ, какъ будто сами слетѣли со всѣхъ сторонъ на поминки и тѣнями мимо меня провѣяли“. Жуковскій видитъ воочію „идеальную Пери“, то есть великую княгиню, выступавшую въ ея роли, проходятъ и другія, „и вслѣдъ за ними моя Александра Воейкова, которой я тогда описалъ этотъ праздникъ, которая тогда была во всемъ цвѣтѣ жизни, а теперь въ далекой могилѣ, подъ небомъ Италіи, свѣтлымъ, какъ была она сама“¹⁾.

Воспоминаніе не выходитъ и позже изъ его поэтического словаря; онъ былъ правъ, сказавъ о себѣ въ четверостишіи къ своему портрету: „Воспоминаніе и я — одно и то-же“ (1837 г.).

Все это вызывало печальныя темы: образъ „кладбища“, унаслѣдованный отъ сентиментальной поэзіи, продолжаетъ занимать поэта съ первыхъ его стихотворныхъ опытовъ. Съ

1) Къ государынѣ изъ Эмса 1/13 мая 1840 г. См. письмо къ ней же 12/24 октября 1843 года изъ Дюссельдорфа: король подарилъ Жуковскому музыку Спонтини на праздникъ Лалла-Рукъ, онъ наслаждается ею въ семьѣ, и подъ музыку „много давно, давно прошедшаго воскресаеетъ: въ звукахъ есть что-то безсмертное, хотя сами они бытія не имѣютъ. Съ ними то, что прошло, является снова такимъ, (какимъ) оно было, во всей своей прошлой свѣжести и молодости,

Und manche liebe Schatten stehen auf“.

Жуковскій не зналъ оперы Нурмагалъ; если она вызвала въ немъ воспоминанія о берлинскихъ торжествахъ и о Лалла-Рукъ съ музыкой Спонтини, то это только указываетъ на его музыкальную память: въ Нурмагалѣ Спонтини воспользовался нѣкоторыми номерами своей старой оперы-балета.

переводомъ Греевской элегіи связано начало его литературной репутаціи (1802 г.); въ 1814 году, остановившись въ деревнѣ, онъ рисуеъ на кладбищѣ ¹⁾; въ 1820-мъ вноситъ въ свой дневникъ впечатлѣнія по дорогѣ въ Preussische Mark: „прекрасное захожденіе солнца за холмомъ, и холмъ казался огнедышащей горою; все небо въ огнѣ; пріятное расположеніе духа. Деревня Бухвальде, освѣщенная солнцемъ; церковь и кладбище и гробъ, который чернѣлся на заревѣ“ ²⁾. Въ то же путешествіе онъ заинтересовался картинами Фридриха ³⁾; въ нихъ нѣтъ ничего „мечтательнаго“, онѣ нравятся своею вѣрностію, „ибо каждая возбуждаетъ въ душѣ воспоминаніе о чемъ-то знакомомъ; если находишь въ нихъ болѣе того, что видятъ глаза, то этому та причина, что живописецъ смотрѣлъ на природу не какъ артистъ, который въ ней ищетъ только образца для кисти, а какъ человѣкъ съ чувствомъ и воображеніемъ, который повсюду находитъ въ ней символъ человѣческой жизни“ ⁴⁾. — Въ 1826 г. Жуковский видѣлъ у Фридриха начатый пейзажъ: большая желѣзная дверь, ведущая на кладбище, открыта; къ одному изъ ея столбовъ прислонились мужчина и женщина: они только что похоронили ребенка и смотрятъ издали на его могилу, небольшой, покрытый газономъ холмикъ, у котораго еще лежитъ заступъ; недалеко другая могила съ урной; тамъ покоится прахъ предковъ. Кладбище поросло соснами; ночь, луны не видно, но она откуда то свѣтитъ; въ волнуемомъ туманѣ стволы деревьевъ точно отстали отъ земли, сквозь эту завѣсу видны могилы, простые старые памятники; одинъ изъ нихъ, длинный вертикальный камень, стоитъ какъ сѣрый призракъ. Все это составляетъ прелестный пейзажъ. Но художникъ хотѣлъ сдѣлать болѣе, обратить нашу мысль къ загробному міру: глаза родителей обращены на могилу ребенка, и они какъ будто пора-

1) Сл. выше стр. 170.

2) Дневникъ 1820 г. 10 октября.

3) См. Дневникъ 1820 г. 11 октября, 9 ноября; 1821 г. 8/20 марта. Сл. письмо Жуковского къ вел. кн. Александрѣ Федоровнѣ, Карлсбадъ 17/29 іюня 1821 г. Русская Старина 1901 г., октябрь, стр. 238, что опущено въ печатномъ текстѣ „Путешествія по Саксонской Швейцаріи“.

4) Сл. письмо къ вел. княг. Александрѣ Федоровнѣ 23 іюня / 5 іюля 1821 г. (Русская Старина 1901 г., ноябрь, стр. 390); оно вошло въ „Отрывокъ письма изъ Саксоніи“.

жены какимъ-то таинственнымъ явленіемъ: туманъ оживленъ, имъ кажется, что ихъ дитя поднялось изъ могилы, тѣни предковъ тянутся къ нему, простирая къ нему объятія, и ангелъ мира съ *оливной вѣткой* въ рукѣ паритъ надъ ними и ихъ соединяетъ. Ни одного изъ этихъ воздушныхъ образовъ не различить, виденъ лишь туманъ, но воображеніе дополняетъ намеки художника, и видѣніе, ничего не прибавляя къ простому пейзажу лишь возвышаетъ его естественное впечатлѣніе ¹⁾.—О другихъ произведеніяхъ Фридриха говоритъ Ал. Тургеневъ, въ томъ-же году посѣтившій съ Жуковскимъ его мастерскую: художникъ показывалъ имъ свои юмористическія картины, „Жуковский, пишетъ Тургеневъ, заказалъ ему нѣсколько картинокъ. Между ними—смерть на гробѣ и другая—жизнь на гробѣ. На одной представлено кладбище, на которомъ около сельскихъ памятниковъ надгробныхъ вьются цвѣты и зеленѣетъ густая, полная жизни, трава; на другой—глубокій снѣгъ покрываетъ кладбище, сухое дерево напоминаетъ ту-же смерть и недалеко сугробъ раскопанъ для могилы и заступы лежатъ, полузанесенные снѣгомъ. Все жило, все цвѣло, чтобъ послѣ умереть“ ²⁾. Жуковский надѣется получить отъ Фридриха каждую весну по двѣ картины въ тотъ размѣръ, въ какой уже взялъ отъ него нѣсколько. Мы съ нимъ говорили о сюжетѣ; онъ знаетъ мой вкусъ, пишетъ онъ Е. Г. Пушкиной (5/17 ноября 1827 г.), сообщая ей содержаніе картинъ, изъ которыхъ двѣ хотѣлъ бы приобрести: еврейская могила на равнинѣ при заходѣ солнца; христіанская могила: мать у гробницы своего ребенка; крестъ водруженъ на утесѣ ³⁾.

1) Французское письмо къ государынѣ изъ Дрездена 2/14 октября 1826 г.

2) Письмо А. Тургенева къ Николаю Тургеневу 1827 г. 28 января.

3) Сл. письмо къ ней же 1828 г. Сл. заботы объ обѣднѣвшемъ Фридрихѣ въ письмѣ къ Наслѣднику 1838—9 г.; сл. дневникъ 1840 г. марта 19 и 20. Картинами Фридриха полна была петербургская квартира Жуковского, онѣ произвели впечатлѣніе на И. В. Кирѣевского. Преобладаютъ кладбище и мрачные сюжеты. На одной большой картинѣ „ночь, луна и подъ нею сова. По полету видно, что она видитъ; въ расположеніи всей картины видна душа поэта. Съ обѣихъ сторонъ стола виситъ по двѣ маленькихъ четверугольныхъ картинки. Одна—подарокъ Тургенева, который заказалъ ее Фридриху: даль, небо, луна, впереди рѣшетка, на которую облокотились трое: два Тургенева и Жуковский. Такъ объяснилъ мнѣ самъ Жуковский. Одного изъ нихъ (Сергѣя Тургенева) мы вмѣстѣ похо-

Изъ рисунковъ пріятеля Рейтерна Жуковскому въ особенности нравится Familienzimmer у входа на кладбище: горница, гдѣ собравшаяся семья сѣтуесть о недавней утратѣ. Самъ Жуковский подсказываетъ содержаніе рисунка ¹⁾. У него какой-то печальный, похоронный экстазъ; самъ онъ часто рисовалъ и заказывалъ писать могилу Машы; любимая обстановка была зимняя, могильный холмъ, слѣды на свѣжемъ снѣгу, мужская фигура въ плащѣ сидитъ у памятника ²⁾. Долгое время спустя онъ заказалъ живописцу Майделю картину-иллюстрацію къ одной сценѣ изъ своихъ „Двѣнадцати спящихъ дѣвѣ“: могильный камень, крестъ наклонился до земли, надъ нимъ теплится „легкій, блѣдный пламень“ и „воронъ, птица ночи“ сидитъ на немъ недвижимо, вперивъ въ мѣсяцъ унылыя очи ³⁾. — Въ 1839-мъ году Греева Элегія переведена снова.

Рядомъ съ видѣніями кладбища — гимны смерти; они раздаются тѣмъ чаще, чѣмъ чаще сердечныя утраты. „Для меня теперь все прекрасное будетъ синонимъ смерти“ пишетъ онъ по кончинѣ Воейковой въ 1829 г. ⁴⁾. Все это слилось впоследствии въ мечтательную теорію, въ поэзію смерти, въ увѣреніе, что „смерть лучше жизни“, а пока питало воображеніе печальными образами, вело къ стилю и мотивамъ баллады, съ которою уже познакомили насъ Карамзинъ, Турчанинова, Каменевъ и друг. ⁵⁾, которую такъ недолюбливали наши классики, Мерзляковъ и Гнѣдичъ, Дмитріевъ, Батюшковъ, Грибоѣдовъ, но воздѣлывалъ классикъ Катенинъ. Жуковского прозвали „нѣмцемъ“ ⁶⁾, балладникомъ, романтикомъ, тогда какъ онъ не выходилъ изъ идей и представленій сентиментализма: жизнь и любовь за гробомъ, свиданіе съ милыми, полнота чувства, недостижимаго на землѣ, міръ тайны и таинственности, откуда къ намъ спускается желанныя, но порой и грозныя призраки. Передавая или, лучше, передѣлывая до неузнаваемости послѣднюю

ронили“. Сл. Полное собраніе сочиненія И. В. Кирѣевскаго т. I, стр. 21—2 (письмо 12 января 1830 г.).

1) Gerhard v. Reutern. Ein Lebensbild. S.-Pb. 1894 г., стр. 65—6.

2) Зейдлицъ I. с. стр. 138.

3) I. с. стр. 109—10.

4) I. с. стр. 149

5) Сл. соч. Н. С. Тихонравова, III, ч. I, стр. 428 и прим. 140 и 141 на стр. 67.

6) Гнѣдичъ, сл. Тихоновъ I. с. стр. 40.

строфу Шиллеровскаго Thekla, eine Geisterstimme (Голосъ съ того свѣта 1815 г.), онъ заставляеть ее говорить:

Не унывай: минувшее съ тобою;
Незрима я, но въ мирѣ мы одною;
Будь вѣренъ мнѣ прекрасною душою;
Сверши одинъ — начатое вдвоемъ.

Счастье здѣсь въ воспоминаніи и ожиданіи; это и создаетъ ту „флѣровую мантию меланхоліи“¹⁾, то „пріятно-унылое“ расположение духа, то наслажденіе меланхоліей, которую юный Жуковскій желалъ бы продлить на большую часть жизни²⁾. „И меланхоліи печать была на немъ“ скажутъ о его безвременно угасшемъ юношѣ-пѣвцѣ³⁾; „унылость тихая въ душѣ моей хранится.... Повсюду вѣстники могилы предо мной“ (Къ Филалету 1808—9 г.).

Эти идеи онъ развилъ въ „Видѣніи Минваны (Три сестры, 1808 г.), въ статьѣ о „Меланхоліи“ (1808 г.)⁴⁾; позже, въ размышленіяхъ объ афоризмѣ Руссо: „Прекрасно лишь то, чего нѣтъ“, онъ станеть говорить объ особаго рода грусти. Карамзинъ подошелъ къ этому афоризму нѣсколько развязно; „если прекрасное, подобно легкой тѣни, обыкновенно отъ насъ убѣгаетъ, овладѣемъ имъ хотя бы въ воображеніи, устремимся за нимъ въ миръ сладкихъ грезъ, будемъ обманывать себя самихъ и тѣхъ, кто долженъ быть обманутымъ“⁵⁾. Но Жуковскій не хочеть быть обманутъ: если прекрасно лишь то, чего нѣтъ, то „это не значить только то, что не существуетъ. Прекрасное существуетъ, но его нѣтъ, ибо оно является намъ только минутами, для того единственно, чтобы намъ сказаться, оживить насъ, возвысить нашу душу,—но его ни удержать, ни разглядѣть, ни постигнуть мы не можемъ; ему нѣтъ ни имени, ни образа; оно ощутительно и непонятно; оно посѣщаетъ насъ въ лучшія минуты нашей жизни.... И весьма понятно, почему всегда соединяется съ нимъ грусть, но грусть, не лишаящая бодрости, а животворная и

1) Сл. Жуковскаго, „Жизнь и источникъ“ 1798 г. и выше стр. 42, 49

2) Дневникъ 1805 г., сл. выше стр. 103—4.

3) Сельское кладбище 1802 г.; въ переводѣ 1839 г.: „и меланхолія знала свои на него положила“.

4) Сл. выше стр. 120—1.

5) Аглая 1794 г. „Что нужно автору“.

сладкая, какое-то смутное стремленіе: это происходитъ отъ его скоротечности, отъ его невыразимости, отъ его необъятности—прекрасно только то, чего нѣтъ!“ И „эта грусть убѣдительно говоритъ намъ, что прекрасное здѣсь не дома, что оно только мимопролетающій благовѣститель лучшаго; оно есть восхитительная тоска по отчизнѣ; она дѣйствуетъ на нашу душу не *настоящимъ*, а темнымъ *воспоминаніемъ* всего прекраснаго въ *прошедшемъ* и тайнымъ ожиданіемъ чего то въ *будущемъ*.”

А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви, у насъ въ виду,
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Намъ прощальную звѣзду¹⁾.

Подъ конецъ жизни, когда религиозные интересы въ немъ обострились, Жуковскій ограничилъ роль меланхоліи въ христіанскомъ міросозерцаніи²⁾; теперь ея блаженство, изрѣдка перебиваемое желаніемъ посвятить „прекрасному текущее мгновенье“, опредѣляетъ его возрѣніе на жизнь: это полоса *настоящаго*, уныло протягивающаяся между воспоминаніями *прошлаго* и чаяніями *будущаго*; на этой полосѣ кпшитъ общественность, но для сентименталиста она не существенна: образованіе характера, счастье семьи на первомъ планѣ, а если оно будетъ, то на второмъ „исполненіе общественныхъ условій“. Жуковскій остался вѣренъ до конца этому идеалу; широкихъ интере-

1) Сл. замѣтку Жуковскаго къ Лалла-Рукъ 1821 г. и дневникъ того же года подъ 4 февраля. Въ письмѣ къ вел. кн. Марѣ Николаевнѣ 24 іюня 1838 года онъ говоритъ, по поводу праздника Лалла-Рукъ, о красотѣ, какъ о чемъ-то неземномъ; „это чувство красоты есть неизмѣнный товарищъ вѣры. Вѣрою мы сводимъ небо на землю, чувствомъ красоты мы земное, такъ сказать, возвышаемъ въ небесное . . . красота есть святыня“.—Къ толкованію афоризма Руссо Жуковскій вернется въ извѣстномъ письмѣ къ Гоголю (Слова поэта—дѣла поэта 1848 г.) и въ письмѣ къ анониму съ поздравленіемъ новобрачныхъ: пусть слагаютъ вдвоемъ свою „поэму“, „жизнь должна быть поэма. . . Мысли кипятъ, душа живетъ и возвышается, міръ украшенъ; а вмѣстѣ съ поэтомъ живутъ его жизнью и тѣ, кто его понимаютъ; и при томъ, что онъ выражаетъ словомъ и звукомъ, есть еще въ запасѣ и то, *чему нѣтъ выраженія, но что потому то и прекрасно* Il n'y a de beau que ce qui n'est pas“. Сл. Русск. Архивъ 1872 г. № 12, стр. 2369.

2) О меланхоліи въ жизни и въ поэзіи 1845 г..

совѣ къ общественности онъ въ себѣ не воспиталъ, но онъ былъ твердъ въ теоріи самодовлѣющей человѣчности, меланхолически колеблющейся, въ ожиданіи и воспоминаніи, между прошлымъ и грядущимъ.

Черезъ эту пропасть поэзія перекинула свою радугу. Онъ смолода толкуетъ о ней, опредѣленія растутъ, яснѣютъ со временемъ, производя впечатлѣніе цѣлостности развитія; досказано было лишь то, что раньше было только намѣчено. „Стихи, сочиненные въ день моего рожденія, къ моей лирѣ и къ друзьямъ моимъ“ (1803 г.) и „Къ поэзія“ (1805 г.) еще полны общихъ идиллическихъ мѣстъ: поэтъ, презирающій бурный міръ, мечтаетъ въ убогой хижинѣ — и блаженъ, либо онъ соглашаетъ свою лиру съ свирѣлью пастуховъ. Если въ статьѣ Энгеля, переведенной Жуковскимъ („О нравственной пользѣ поэзія“) нравственныя и поэтическія начала отличены другъ отъ друга по существу, и требованіе ихъ связи касатся лишь личности поэта, то въ замѣткѣ „О критикѣ“ (1809 г.) изящное является (по Сульцеру) тождественнымъ съ добромъ, моральной красотой. Пламя поэзія

лишь въ ясной

Душѣ неугасимъ.
 Когда любовью страстной
 Лишь то боготворимъ,
 Что благо, что прекрасно....
 Тогда и дарованье
 Во благо намъ самимъ,
 И мы не посраимъ
 Поэтовъ достоянья.
 О другъ! служенье музъ
 Должно быть ихъ достойно:
 Лишь съ добрымъ ихъ союзъ.
 Сліявъ въ душѣ спокойной
 Младенца чистоту
 Съ величіемъ свободы,
 Боготворя природы
 Простую красоту,
 Лишь благамъ неизмѣннымъ,
 Пѣвецъ-любимецъ мой,
 Доступенъ будь душой.

(Къ Батюшкову, май 1812 г.).

Призваніе поэта — „любовь къ добру переливать въ сердца“ (къ А. Н. Арбеновой 1812 г.); поэтъ „святыхъ добра законовъ толкователь“ (къ кн. Вяземскому 1814 г.); „поззія есть добродѣтель“ (къ кн. Вяземскому и В. А. Пушкину 1814 г.). — Этотъ афоризмъ долго останется въ памяти юныхъ сверстниковъ Жуковскаго. Когда онъ выхлопоталъ для разжалованнаго въ солдаты Боратынскаго производство въ офицерскій чинъ, Боратынскій писалъ ему 5 марта 1824 года: „Вы возвратите мнѣ общее человѣческое существованіе, котораго я лишенъ такъ давно, что даже отвыкъ почитать себя такимъ же человѣкомъ, какъ другіе; и тогда я скажу вмѣстѣ съ вами: хвала поэзіи, *поэзія есть добродѣтель*, поэзія есть сила; но въ одномъ только поэтѣ, въ васъ, соединены всѣ ея великія свойства“ ¹⁾. 10 ноября 1840 г. Кюхельбекеръ такъ же отозвался изъ Акшпинской крѣпости на письмо къ нему Жуковскаго изъ Дармштадта: „Я знавалъ людей съ талантомъ, людей съ геніемъ, но, Богъ свидѣтель! никто не убѣдилъ меня такъ живо въ истинѣ высказанной вами-же, что *поэзія есть добродѣтель*“ ²⁾. — Именно поэзія-добродѣтель и „должна имѣть вліяніе на душу всего народа.... принадлежитъ къ народному воспитанію“ (къ Тургеневу 21 октября 1816 г.).

Года три спустя „жизнь унылая“ изображается ладьей, плывущей среди тумановъ; за нею вьются юность, мечта и надежды, фантазія и вдохновеніе — и муза, которая, внимая пѣнію сверстницы,

Засыпала въ тишинѣ
И ловила привидѣнье
Счастья милаго во снѣ.

Но друзья разлетѣлись, одинокая ладья равнодушно плыветъ въ безпредѣльность — и вдругъ что-то затрепетало надъ выбами, чѣмъ-то повѣяло, встрепенулся сонный парусъ и челнокъ пошелъ быстрее: кто-то свѣтлый прилетѣлъ съ пѣснью надежды, и жизнь очулась, разлетѣлся мракъ, вернулась „прежней вѣры тишина“.

О, хранитель, небомъ данной!
Пой, небесный, и ладьей

1) Сл. Русскій Архивъ 1871 г. № 6, стр. 0239.

2) Ibid. № 2, стр. 0177; сл. Русская Старина 1891 г., № 10, стр. 83.

Правъ ко пристани желанной
За попутною звѣздой.
Будь сіянье, будь ненастье,
Будь, что надобно судьбѣ;
Все для жизни будетъ счастье,
Добрый спутникъ, при тебѣ

(Жизнь, видѣніе во снѣ 1819 г.)

Либо съ небесъ незванное слетало вдохновенье,

На все земное наводило
Животворящій лучъ оно —
И для меня въ то время было
Жизнь и поэзія одно.

(Я музу юную бывало 1823 г.).

Въ „Рафаэлевой Мадоннѣ (1821 г.) творчество художника — откровеніе, приподнимающее завѣсу неба. — „Кто ты, призракъ, гость прекрасный? Къ намъ откуда прилеталъ“? спрашивалъ поэтъ таинственнаго посѣтителя (1824 г.) и отвѣчалъ вопросами: можетъ быть, надежда, любовь, дума о минувшемъ — или *святая поэзія*, съ которой „все близкое прекрасно, все знакомо, что вдали“? Или предчувствіе „о небесномъ, о святомъ“?

Поэзія уже сосѣдитъ съ религіей; „святая поэзія“ Карамзина ¹⁾; нѣсколько разъ встрѣчается у Жуковского выраженіе, что прекрасное — религія ²⁾.

Въ этомъ направленіи разовьется и далѣе его понятіе о поэзіи: традиціонно-сентиментальное въ основѣ, поднятое до отвлеченныхъ высотъ недочетами чувства, для котораго формула „жизнь и поэзія одно“ имѣла, въ сущности, реальный смыслъ: „поэзія и счастье — одно и то же; счастье въ свѣтѣ, въ надеждахъ на жизнь“ (къ Кирѣвской), поэзія — счастье, „то есть типина души, надежда въ будущемъ, наслажденіе въ настоящемъ“ (къ Тургеневу). Но счастье не приходило или давалось

1) Поэзія 1787 г.; Дарованіе 1795 г.

2) По поводу Маши, Самойловой, вел. кн. Александры Федоровны, Карамзина; сл. дневн. 1821 г., 31 июля: „Негели (композиторъ и преподаватель музыки) музыка, Отче нашъ: поэзія“.

на половину, и онъ утѣшалъ себя, что поэзія для него „громотводъ“, поэзія „золотой середины“¹⁾.

Такъ сложилась изъ формъ сентиментализма и раннихъ опытовъ сердца уныло-мечтательная, личная поэтика Жуковскаго. Какъ помирить ее съ тѣмъ, что мы знаемъ о немъ, какъ о весельчакѣ, проказникѣ? Въ юности онъ любилъ перешучиваться съ А. М. Соковниной и самъ валился со смѣха отъ своихъ шутокъ²⁾; въ 1814 году Батюшковъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ вспоминалъ о московскихъ вечерахъ, проведенныхъ съ Жуковскимъ и кн. Вяземскимъ, „и споры, и шалости, и проказы“³⁾. Кн. Вяземскій такъ характеризуетъ его въ кружкѣ Арзамаса: „онъ былъ не только *шрбовыхъ дѣлъ мастеръ*, какъ мы прозвали его по балладамъ, но и шуточныхъ и шутовскихъ дѣлъ мастеръ. Странное фізіологическое и психическое совпаденіе! При натурѣ идеальной, мечтательной, нѣсколько мистической, въ немъ были и сокровища веселости, смѣшливости: въ немъ были зародыши и залогіи каррикатуры и пародіи, отличающіяся нерѣдко острою замысловатостью“⁴⁾. Онъ „удивительно какъ наострился въ галлматьѣ“, говоритъ Дашковъ о Жуковскомъ, какъ секретарѣ Арзамаса: онъ не даромъ такъ долго жилъ съ Плещеевымъ, любимое его выраженіе: Арзамасская критика должна ѣхать верхомъ на галлматьѣ“⁵⁾. Кн. Вяземскій вспоминаетъ о шутовскихъ пьесахъ, разыгрывавшихся на домашнемъ театрѣ въ Орловской деревнѣ Плещеева: онъ и Жуковскій сочиняли ихъ вмѣстѣ, послѣдній написалъ, между прочимъ, „Любовныя похождения влюбленнаго и обманутаго импрезаріо“ и „Скачетъ груздочекъ по ельничку“. „Надобно было видѣть и слышать, съ какой самоувѣренностію, съ какимъ самоудовольствомъ вообще скромный и смиренный Жуковскій говорилъ о произведеніяхъ своихъ въ этомъ родѣ, и съ какимъ добродушнымъ и ребяческимъ смѣхомъ пѣвецъ Сельскаго Кладбища, меланхоліи,

1) Сл. выше стр. 162, 209, 213.

2) Сл. выше стр. 73—4

3) Письмо къ Жуковскому 3 ноября 1814 г., Соч. Батюшкова III, стр. 303; т. I, стр. 112 слѣд., 129 слѣд.

4) Полное собр. соч. кн. Вяземскаго VIII, стр. 415.

5) Русскій Архивъ 1866, ст. 500 (письмо къ кн. Вяземскому 26 ноября 1815 г.).

всякихъ вѣдьмъ и привидѣній цитовалъ мѣста, которыя были особенно ему по сердцу“¹⁾. Веселое, доброе лицо Жуковского живо сохранилось въ памяти графини А. Д. Блудовой, еще дѣвочки въ 1829/30-хъ годахъ: она видѣла его въ своей семьѣ, у гр. Вьельгорскихъ, у Мердера, при дворѣ, у него самого въ квартирѣ Шепелевскаго дворца, „гдѣ насъ очень занимали картины, странныя, своеобразныя, съ какимъ-то оттѣнкомъ привидѣній и почти невещественности, какъ баллады; между прочимъ, небо, одно небо, безъ земли и безъ моря, неопредѣленное, пустынное, и на немъ только видно, какъ филинъ летитъ. Одна черта

1) Русский Архивъ 1866 г., № 6: Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго Архива стр. 873 слѣд. Одна изъ шуточныхъ пьесъ, упоминаемыхъ кн. Вяземскимъ, недавно издана проф. Архангельскимъ (Полное собраніе соч. В. А. Жуковского, Спб. 1902 г., т. I, стр. 94 слѣд.: „Коловратно — курьозная спена между господиномъ Леандромъ, Пальясомъ и важнымъ господиномъ докторомъ“); другая найдена недавно въ деревнѣ Колодѣ (Гдовскаго уѣзда, Петербургской губерніи) у г-жи Сарычевой; она досталась ей, вмѣстѣ съ другими бумагами, отъ ея матери, бывшей замужемъ за дерптскимъ профессоромъ славянскаго права фонъ-Рейцъ. Заглавіе драматической шутки такое: „Елена (Екатерина) Ивановна Протасова или дружба, нетерпѣніе и капуста. Греческая баллада, переложенная на русскіе нравы Маремьяномъ Даниловичемъ Жуковятничинымъ (Жуковскимъ), председателемъ комисіи о построеніи Муратовскаго дома, авторомъ тѣсной конюшни, огнедышащимъ эксъ-президентомъ стараго огорода, кавалеромъ ордена трехъ печенокъ и командоромъ Галиматъи. Второе изданіе. Съ критическими примѣчаніями издателя Александра Плещепуновича Чернобысова (Плещеевъ, котораго Жуковский называлъ своимъ „негромъ“), дѣйствительнаго мамелюка и богдыхана, капельмейстера коровьей оспы, привелигированнаго гальваниста собачьей комедіи, издателя топографическаго описанія париковъ и нѣжнаго компониста различныхъ музыкальныхъ чревобѣсій, между прочимъ и приложеннаго здѣсь нотнаго завыванія (Плещеевъ былъ компонистомъ). Муратово 1811 г.“ См. Новое Время 1901 г. 23 августа: (Як. Юкельсонъ) Интересная находка — Когда Плетневъ затѣялъ издать письма Жуковского, кн. Вяземскій писалъ ему 19 ноября / 1 декабря 1852 г.: „Печатайте, безъ зазрѣнія совѣсти и неумѣстнаго цѣломудрія, и шутивыя письма его, буфонскія, чисто Арзамасскія, гдѣ веселость его развѣртывалась во всю Ивановскую. Эта сторона не должна пропасть безъ вѣсти и дополнить характеръ его. Какъ я писалъ Булгакову по этому предмету, тотъ не будетъ вполне знать Суворова, кто не будетъ имѣть понятія о проказахъ и причудахъ его. Къ тому же вздорнорѣчіе Жуковского доходило до истиннаго краснорѣчія, до высокой геніальности“. — Образцы его каррикатурныхъ рисунковъ извѣстны, но они не оправдываютъ названіе его юмористомъ. Сл. Русск. Старину 1902 г. IV, стр. 124—6 (письма къ граф. Ю. Ѳ. Барановой).

въ разговорѣ Жуковскаго была особенно плѣнительна. Онъ, бывало, смѣется хорошимъ, ребяческимъ смѣхомъ, не только шутить, но балагурить, и вдругъ, неожиданно, все это шутство переходитъ въ нравоучительный примѣръ, въ высокую мысль, въ глубоко грустное замѣчаніе; и по временамъ его рассказы касались чудесныхъ случаевъ и онъ умѣлъ уносить васъ въ область загробную или въ поднебесную высь съ такимъ полнымъ убѣжденіемъ, что иногда онъ казался такимъ-же страннымъ и почти сверхъестественнымъ, какъ лица въ его рассказахъ“¹⁾. „Въ бесѣдахъ съ короткими людьми, въ разговорахъ съ нами, до того увлекался онъ часто душевнымъ, полнымъ, чистымъ веселіемъ, что начиналъ молотъ премилый вздоръ. Когда-же думы засядутъ въ головѣ, то съ исключительнымъ участіемъ на землѣ начинаетъ онъ искать одну грусть, а живыя радости видитъ въ одномъ только небѣ.... Въ немъ точно смѣшеніе ребенка съ ангеломъ“²⁾. Таковъ и отзывъ Смирновой: „въ чисто-русской натурѣ Жуковскаго было много германизма, мечтательности и того, что называютъ Gemuthlichkeit. Онъ любилъ расходиться, разболтаться и шутить въ маленькомъ кружкѣ знакомыхъ самымъ невиннымъ, самымъ дѣтскимъ манеромъ“³⁾. И самъ онъ говорилъ впоследствии Никитенку: „Странно, что меня многіе считаютъ поэтомъ унынія, между тѣмъ какъ я очень склоненъ къ веселости, шутливости и даже каррикатурѣ“⁴⁾.

Соединеніе меланхоліи, мечтательности съ внезапными взрывами веселья — не загадка, а довольно обычный психологическій фактъ: чередованіе свѣта и тѣни; перевѣсы бывають на той или другой сторонѣ, бывають свѣтлыя минуты и у „великихъ меланхоликовъ“⁵⁾, бываетъ и сліяніе въ юморѣ, парящемъ надъ явленіями жизни. У Жуковскаго нѣтъ романтическаго юмора, да и смѣхъ его не тотъ творческій смѣхъ, который проникаетъ въ явленія, озаряя ихъ своимъ свѣтомъ и жизнью, а дѣтскій смѣхъ, удовлетворяющійся шаржемъ и беспечнымъ хохотомъ. Оттого такъ тусклы его басни и

1) Русскій Архивъ, 1872 г., №№ 7—8, стр. 1240.

2) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, ч. 3-я, стр. 136.

3) Воспоминанія А. О. Смирновой. „Русск. Арх.“ 1871 г. № 11, ст. 1873.

4) Записки и дневникъ А. В. Никитенка, I, стр. 404.

5) Пушкианъ („Мысли на дорогѣ“ 1836 г.) о Гоголѣ по поводу его „Петербургскихъ записокъ“.

эпиграммы, и онъ такъ увлекался пародіями Плещеева. Такимъ смѣхомъ забываются: Жуковскій могъ балагурить въ Муратовѣ, Долбинѣ и Арзамасѣ, хохотать надъ „Утѣхами меланхоліи“, быть забавнымъ въ сказкахъ, въ письмахъ къ Дашкову, Смирновой и др. — все это было перебсемъ меланхоліи. Меланхоліи нажитой: она-то сдѣлала сердечной его лирику, въ которой моменты испытаннаго счастья и горя выразились въ личномъ стилѣ эпитетовъ, образовъ, афоризмовъ. У всякаго поэта есть такого рода клише, пристрастіе къ которымъ мы часто не умѣемъ объяснить; у Жуковскаго многіе изъ нихъ — біографическія обобщенія, заповѣди сердца. Любовь не удалась, но онъ живетъ воспоминаніемъ о ней, о милomъ прошломъ: „*для сердца прошедшее вѣчно*“ (Теонъ и Эсхинъ) ¹⁾; воспоминаніе — это „*фонари*“, освѣщающіе темный путь жизни ²⁾; въ воспоминаніи много *милыхъ тѣней возстаютъ*: афоризмъ, усвоенный поэтомъ изъ посвященія Фауста: *Und manche liebe Schatten steigen auf* ³⁾; „*все въ жизни къ великому средство*“ утѣшалъ онъ себя въ минуты сердечной невзгоды, и любилъ повторять этотъ афоризмъ Теона, измѣняя его: все въ жизни средство къ прекрас-

1) Сл. посланіе къ Филалету 1808—9 г. и взятыя оттуда стихи въ письмѣ къ Кирѣевской 5 мая 1814 г.: Грядущее для насъ протекшимъ лишь прелестно.

2) Одинъ изъ любимыхъ образовъ Жуковскаго. Въ заголовкѣ апрѣльской тетрадки съ дневникомъ, предназначеннымъ для Маши (1815 г.), красуется рисунокъ фонаря; философія фонаря развивается въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ въ его замѣткахъ, внесенныхъ въ дневникъ Маши (1815 г.), въ альбомы Воейковой (1815 г.) и гр. Самойловой (1819 г.); о фонаряхъ-воспоминаніяхъ говорится въ письмахъ къ Кирѣевской (24 мая и августа — сентября 1815 г., 7 ноября 1816 и 1822 года осенью). Въ наброскѣ французскаго письма изъ Берлина 5 декабря 1819 г. читаемъ. *Ce reverbère est le symbole que j'ai choisi pour mon cachet. Permettez moi de vous en faire l'explication* (Бумаги В. А. Жуковскаго стр. 10). Фонарики, фонарныхъ дѣлъ мастера являются въ письмѣ къ Елагиной, осенью 1822 г. Письма Жуковскаго ему нужны, пишетъ ему Перовскій: они даютъ ему пламя, отъ котораго зажечь свои фонари. — И свою будущую жену Жуковскій наставляетъ въ „*cette philosophie du reverbère*“ (1841 г. 14/26 марта Спб.).

3) Сл. Общее предисловіе къ Двѣнадцати Спящимъ Дѣвамъ; письмо къ Машѣ 1 ноября 1820 г.; къ Гете 1822, 25 февраля, къ Тургеневу 31 января 1825 г., къ государынѣ 24 іюля 1837 г., 1/13 мая 1840 г. и 12/24-го октября 1843 года.

ному ¹⁾, добру, счастью; Теонъ разумѣль подѣ „все“—и горестъ и радость, Жуковскій пришелъ впослѣдствіи къ заключенію, что „радость“ надо исключить; „все“—это горестъ ²⁾. Въ воздаяніе за нее, за мрачное *здѣсь*—свѣтлое грядущее *тамъ*, котораго такъ не любилъ Воейковъ (сл. письмо Жуковского къ Кирѣвской 7 ноября 1816 г.); одно время это *тамъ* представлялось ему въ образѣ Кашмира, чудеса котораго мерещатся съ горы ему (письмо къ Кирѣвской 1815 года) и Машѣ: *il faut monter la montagne pour voir le royaume de Cachemire*, писала она ему въ сентябрѣ 1814 года ³⁾; „благоуханный, безмятежный Кашмиръ“ Лалла Рукъ (1821 г.), долины котораго вспомнились Жуковскому въ посвященіи Наля и Дамаянти.—Для „гробовыхъ дѣлъ мастера“ поэзія страданія была товарищъ несравненный, громоотводъ (Жуковскій къ Кирѣвской 19 фѣвраля 1816 г.), хотя самъ онъ порой не могъ читать своихъ стиховъ, потому что, писалъ онъ Тургеневу послѣ свадьбы Машы, „они кажутся мнѣ гробовыми памятниками самого меня: они говорятъ мнѣ о той жизни, которой для меня нѣтъ! Я смотрю на нихъ, какъ потерявшій вѣру смотритъ на церковь, въ которой когда-то онъ съ теплою, утѣшительною вѣрою молился“ (25 апрѣля 1817 г.), И тѣмъ не менѣе извѣстные образы, однѣ и тѣже выраженія, выжитыя, выстраданныя, продолжаютъ у него повторяться и впослѣдствіи; какъ Шатобрианъ ⁴⁾, онъ переноситъ порой цѣлыя строки, размышленія, описанія и т. д. изъ „бѣлой книги“ въ дневникъ, изъ дневника въ письмо, изъ одного письма въ другое. Когда дѣло идетъ объ одномъ и томъ-же патетическомъ, глубоко захватывающимъ моментѣ, эти повторенія насъ поражаютъ, какъ нѣчто разсудочное, безстрастное (сл. письмо къ Арбеновой и Свѣчиной о поѣздкѣ къ Лопухину съ отрыв-

1) Къ Кирѣвской и Машѣ въ 1815 г (сл. выше, стр. 190—4), къ Ал. Тургеневу 1816 г. лѣтомъ.

2) Сл. Зейдлицъ I. с. стр. 240. Сл. письмо Ал. Тургенева къ брату Николаю 16 августа 1827 г.: „Все въ жизни къ великому средство, сказалъ нашъ братъ Жуковскій, и твое одиночество, и моя любовь къ тебѣ, и память о Сережѣ, и его могила, и наша жизнь въ виду этой могилы, все не для этой минутной жизни, но для насъ и для другихъ посредствомъ насъ и для вѣчности“.

3) Сл. выше, стр. 178.

4) Сл. Chevolut, Lucien, *Wie hat Chateaubriand in seinen späteren Werken seine früheren benutzt*, Heidelberg 1901 г.

комъ дневника¹⁾; письма о смерти Маши и др.), мы едва находимъ ему объясненіе: какъ будто чувство вылилось однажды такъ цѣльно, выраженіе его такъ образно кристаллизовалось, что на всякое воспоминаніе, при всякой исповѣди другому, оно отзывается тѣми-же словами, тѣмъ-же мотивомъ. Несомнѣнно, что кристаллизація происходила въ „бѣлой книгѣ“; Жуковский былъ правъ и, вмѣстѣ, неправъ, когда писалъ вел. княгинѣ (4/16 іюня 1821 г.), что онъ не сочиняетъ своихъ писемъ къ ней, а пишетъ „какъ судьбѣ угодно, слѣдовательно безъ всякой строгой правильности“. Впечатлѣнія могли быть новыя, но повѣрялись они уже готовыми афоризмами и разсвѣчивались ими. Стоило поэту, въ разныхъ обстоятельствахъ жизни прикоснуться къ этимъ клавишамъ, въ которыхъ еще дрожалъ для него тонъ сердца, онъ настраивался мечтательно, улеталъ воображеніемъ въ подлунную страну, и, вернувшись на землю, могъ бы ощутить себя въ неловкомъ положеніи, если бы порой замѣчалъ противорѣчіе. Но его собственныя формулы обявывали его, какъ волшебника его заклинанія, и въ жизни, и въ поэзіи: виѣ ихъ онъ какъ будто не находилъ выраженія для новыхъ спросовъ чувства.

Ко всему этому пріучились и читатели: Жуковский не могъ не витать, не идеальничать, не писать страшныхъ балладъ:

Вотъ Жуковский въ саванъ длинный
 Скутанъ, лапочки крестомъ,
 Ноги вытянувши чинно,
 Чѣрта дразнить языкомъ;
 Видѣть вѣдьму вображаетъ
 И глазкомъ ей подмигнетъ,
 И кадитъ и отпѣваетъ,
 И трезвонитъ и реветъ
 (Воейковъ, Домъ Сумасшедшихъ 1814 г.).

Это былъ его „покрой“²⁾, пѣвецъ „невинности, любви и красоты“³⁾ не могъ не быть поэтомъ унынія. Фіалкинъ-Жуковский въ Липецкихъ Водахъ кн. Шаховского (1815 г.)—чувствительный поэтъ:

1) См. выше, стр. 151—2 и прим. 1 на стр. 152.

2) Полн. собр. соч. кн. Вяз. III № CLXIII, 1828 г.

3) Тамъ-же, № LXVIII, 1816 г.

Въ немъ сердце быть должно, кторо-бъ изливало
 Слезу горячую въ грудь друга своего....
 Чтобъ онъ чувствовалъ, чтобъ чувствовалъ какъ бьется
 Любовью вѣщее; чтобъ въ природѣ всей
 Онъ видѣлъ милую, чтобъ жилъ одною ей;

 Чтобъ въ скромной хижинѣ вмѣщалъ онъ цѣлый міръ
 И утро бы ему наивно улыбалось
 И веселилъ его одной природы шръ.

Онъ напуганъ мертвецами и питаетъ свой вкусъ — балладами:

И полночь, и пѣтухъ, и звонъ костей въ гробахъ,
 И чу! Все страшно въ нихъ, но милымъ все пріятно,
 Все восхитительно, хотя невѣроятно.

Извѣстно, какую „парнасскую бурю“ подняла въ литературномъ мірѣ комедія Шаховского: друзья вооружились за Жуковского въ письмахъ, сатирахъ, эпиграммахъ; онъ молчалъ, еще болѣе привязываясь къ поэзіи, святой поэзіи, которая независима отъ близорукихъ судей и довольствуется само собою ¹⁾. Друзья предупреждали: „Старушка престрашная, но она также пойдетъ въ печать, писалъ ему въ Дерптъ, очевидно, въ 1815 году, Ал. Тургеневъ ²⁾. Графиня Строганова проситъ тебя заключить этой уткой твои баллады. Страшнѣе ничего не напишешь, а можетъ случиться съ тобою то-же, что и съ М-me Radcliffe: испугаешься самъ своихъ балладъ, какъ она своихъ романовъ“. Ими любпли—пугаться, съ этой цѣлью С. П. Свѣчина просила Тургенева „Старушку“, которую онъ успѣлъ внести въ свой альбомъ: „Si vous pouvez me confier le volume des poésies de M-r Жуковский où se trouve Старушка, vous comblerez de joie le canton, en le faisant mourir de peur“ ³⁾.

1) Сл. его письмо къ друзьямъ въ Бѣлевѣ, осенью 1815 г. и Русскій Арх. 1900, № 8, стр. 473—4: А. Я. Булгаковъ пишетъ брату о представленіи Липецкихъ водъ: C'est une satire contre le балладникъ Жуковский et Nomère Ougaroff, en sortant de théâtre, s'écria:

О, чудо пзъ чудесъ природы!
 Онъ сотворилъ сухія воды,

2) Изъ неизданнаго письма, безъ даты.

3) Выдержка изъ письма Свѣчиной въ неизданномъ письмѣ Ал. Тургенева къ Жуковскому 14 іюля (1815 года?) Сл. М. А. Дмитриева, Мелочи

Репутація установилась: пѣвецъ 1812 года est le favori de la nation, писалъ о немъ въ 1817 году Уваровъ; воспитанный на англійскихъ и нѣмецкихъ поэтахъ, онъ создалъ у насъ „le genre de Scott, du lord Byron et de Goethe“¹⁾, что для 1817 г. не вѣрно. Въ томъ-же году Воейковъ, хорошо знавшій личную жизнь Жуковскаго, такъ характеризовалъ его въ отрывкѣ изъ поэмы: „Искусства и Науки“:

Жуковский! съ якоремъ, лиліей и крестомъ,
Ты объ возвышенномъ, прекрасномъ и святомъ
Намъ проповѣдуешь, несчастныхъ утѣшитель!
Объ небѣ говоришь, какъ будто неба житель,
Указываешь путь изъ сей юдоли бѣдъ
Въ міръ истины, добра, любви, въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ
Разврата, низости, корысти, вѣроломства....

..... Играя, сыплешь ты

Изъ полной горсти намъ алмазы и цвѣты,
Брегъ дикій, монастырь, развалины, кладбище,
И мрачный лѣсъ — твое любимое гульбище.
И сладокъ для тебя шумъ вѣтровъ и морей;
Но ты — веселый гость на пиршествѣ друзей.
О, другъ! Не позабудь, успѣхомъ обольщаемъ,
Что новыхъ отъ тебя чудесъ мы ожидаемъ;
*Твой пламень не погасъ средь бѣдствій; пусть же вновь
Ярчей зажжетъ его счастливая любовь*²⁾.

Любовь погасла среди бѣдствій: какъ разъ въ 1817 году Марья Андреевна Протасова вышла за Мойера — а Воейковъ пророчить Жуковскому какую-то „счастливую любовь“! Это было риторическое пожеланіе, — но въ сердцѣ Жуковскаго въ самомъ дѣлѣ что-то „закипѣло, запылало“.

изъ запаса моей памяти, стр. 190: Е. П. Балашова рассказывала, что Жуковский читалъ Старушку у насъ въ домѣ, и она не понравилась многимъ дамамъ, слушавшимъ чтеніе, и онѣ отсовѣтовали печатать балладу.

1) См. статью въ Conservateur impartial, 1817 г., № 83, переведенную, въ сокращеніи, въ Вѣстникѣ Европы того-же года, ч. 96, №№ 23 и 24, стр. 201—208. См. Соч. Батюшкова III, стр. 747—8.

2) Вѣстникъ Европы 1869 г., ч. 104, № 8, апрѣль.